

Инокния Евфросиния (Седова)

Межвоенный опыт Русского православного студенческого единения в Риге, XX век: судьбы участниц — Лидия Баринава

УДК 271.2(474.3)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_283
EDN WNWVZG

Аннотация: Проблема Церкви и молодежи в православии остается актуальной как в общественном, так и в академическом дискурсе. Особое внимание и регулярное освещение уделялось ей в Латвийской Православной Церкви в 20-е гг. XX столетия. Предлагаемый обзор межвоенного опыта РПСЕ (Единения) среди подростков и молодежи интересен неформальными вариантами проявления воспринятого мировоззрения и их разнообразием. Его прикладной характер ярко проявился в годы Второй мировой войны в жизни участников движения. Автор показывает это на примере биографии одной из участниц Единения — Лидии Баринавой. Намечены вопросы и дискуссионные аспекты в изучении данной проблематики.

Ключевые слова: русские в Латвии, Русское Православное Студенческое Единение, архиепископ Рижский Иоанн (Поммер), советские военнопленные, Лидия Баринава.

Об авторе: **Инокния Евфросиния (Седова Галина Вадимовна)**

Ph. D. in History, Master of Theology. Латвийская Православная Церковь.

E-mail: ort.loza@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0600-9543>

Для цитирования: Евфросиния (Седова), иннок. Межвоенный опыт Русского православного студенческого единения в Риге, XX век: судьбы участниц — Лидия Баринава // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 283–297.

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 06.04.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2023

Sister Euphrosyne (Sedova)

**Interwar Experience of the Russian Orthodox
Student Unity in Riga, 20th Century:
the Fate of the Participants — Lidia Barinova**

UDK 271.2(474.3)-9
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_283
EDN WNWFGZ

Abstract: The problem of the Church and youth in Orthodoxy remains relevant in both public and academic discourse. Special attention and intensive coverage were paid to it in the Latvian Orthodox Church in the 20s of the 20th century. The proposed review of the interwar experience of the ROSU (Russian Orthodox Student Unity) among adolescents and youth has become interesting for its informal forms and their diversity. Its applied character was clearly manifested during the Second World War in the life of the movement participants on the example of the biography of Lydia Barinova. Issues and discussion aspects in the study of this issue have been outlined.

Keywords: Russians in Latvia, Russian Orthodox Student Unity, Archbishop of Riga John (Pommer), Soviet prisoners of war, Lidia Barinova.

About the author: **Sister Euphrosyne (Sedova Galina Vadimovna)**

Ph. D. in History, Master of Theology, Latvian Orthodox Church.

E-mail: ort.loza@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0600-9543>

For citation: Euphrosyne (Sedova), Sister. Interwar Experience of the Russian Orthodox Student Unity in Riga, 20th Century: the Fate of the Participants — Lidia Barinova. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 2, pp. 283–297.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 06.04.2023.

Церковь и молодежь — неотъемлемая часть приходской жизни христиан, которая остается актуальной в общественном дискурсе и сегодня. На протяжении истории отношения Церкви и молодежи принимали разные формы. Интересный опыт церковной работы с подрастающим поколением и молодежью существовал в Прибалтике. В данной работе будет рассмотрен латвийский опыт в межвоенный период XX столетия. Инославная среда способствовала созданию Русского православного студенческого единения (далее также — РПСЕ, Единение), которое входило в состав Русского студенческого христианского движения за рубежом и стало уникальным явлением в прибалтийских странах Латвии и Эстонии. Несмотря на светский миссионерский характер движения, православные клирики принимали в нем активное участие. Основной целью его стала религиозно-педагогическая работа среди православных учащихся и студентов, а также рабочей молодежи, в частности в Латвии. Собственно, Церковь стала смыслом и центром бытия для русских в эмиграции. А нарабатанный опыт участников молодежного движения проявился в христианском служении ближнему в годы Второй мировой войны.

На сегодняшний день данная проблематика не является объектом изучения историков, тем не менее историография, посвященная РПСЕ, представлена работами латвийских [Плюханов, 1993; Фелдман, 1997; Фейгмане, 2000; Гаврилин, 2008], эстонских и российских исследователей [Православие в Прибалтике, 2018]. В изучении темы нами также был использован корпус документов Латвийского Национального архива, Государственного архива РФ, фотоархива Р. М. Башкиной, Музея Рижского гетто и Холокоста в Латвии; публикации периодической печати межвоенного и военного периода в Латвии и зарубежье, а также воспоминания о приходской жизни Латвийской Православной Церкви (далее — ЛПЦ).

Целью данного исследования стало изучение опыта религиозно-просветительской работы Единения, а также его применения к жизни, которое православные реализовали в период нацистской оккупации в Риге. Одной из поставленных задач стало изучение биографий и деятельности участниц Единения, в частности Лидии Бариновой (1912–1942).

Этапы становления Единения в Латвии в 20-е годы XX столетия происходили при поддержке Русского студенческого христианского движения за рубежом. О целях работы в своих воспоминаниях писал Борис Плюханов (1911–1993): «Русское студенческое христианское движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих» [Плюханов, 1993, 28]. Важно указать, что Единение стремилось помочь своим членам выработать христианское мировоззрение, защитить Церковь и веру, а также быть способными бороться с проявлениями атеизма и материализма. Более емко охарактеризовал Единение о. Сергей Булгаков (1871–1948): он видел его целью «принятие ответственности за судьбы Церкви в России и за рубежом; осознание новой Евхаристической эпохи; утверждения вселенскости восточного православия и связанного с этим стремления восстановить общение с западными христианами» [За рубежом, 1973, 103].

Обратимся к исторической справке. До революции в Риге существовал Библейский студенческий кружок, который был создан благодаря лекциям американского протестантского миссионера Джона Мотта (John Raleigh Mott; 1865–1955). Спустя время, в 1922 г., в Риге уже действовали ИМКА и ИВКА, в работе которых принимали активное участие старшие ученики рижских гимназий (ЛГИА. Ф. 2490. Оп. 1. Д. 44. Л. 214). Знаковым годом стал 1927-й, когда Прибалтику из Парижа посетили с лекциями Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, В. В. Зеньковский и С. М. Зернова. В том же году произошло важное событие: рижские делегаты приняли участие в общем съезде Движения во Франции, в Клермоне. В итоге в 1927 г. в праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы в Рижском Свято-Троице Сергиевом женском монастыре состоялось первое собрание религиозных кружков.

Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер; 1876–1934)¹ благословил и поддержал начинание. По окончании вечерни в храме обители был совершен соборно-праздничный молебен духовенством: настоятелем рижского кафедрального собора Рождества Христова прот. Кириллом Зайцем (1866–1948), ректором Рижской духовной семинарии прот. Иоанном Янсоном (1878–1954) и свящ. Михаилом Бурнашевым (1882–1928). После службы в зале монастырской школы собрались члены кружков и гости: Библейскую группу для взрослых возглавил о. Михаил Бурнашев, Церковной истории — магистр истории, приват-доцент В. В. Преображенский (1897–1941), Студенческий кружок — Н. П. Литвин. Общее количество участников первых трех кружков и приглашенных насчитывало порядка 150 человек. Интересны воспоминания участников о том событии: «В этот вечер в жизни рижских кружков произошло что-то новое, что сближало всех, делало всех сообщниками большого христианского дела и тем самым придавало и новый смысл, и новые силы личной работе каждого члена кружка в отдельности» [Вестник, 1928, 29].

Главной целью РПСЕ стало объединение молодежи для работы на благо Церкви, борьбы с атеизмом и материализмом, а также любви к России и сохранению национального самосознания. Движение не было партией — ни церковной, ни политической и ни националистической. Отметим и основные программные положения Единения: изучение истории христианской Церкви, Священного Писания, православного богослужения, истории и культуры России. Важными пунктами устава были: организация русского национального меньшинства; член РПСЕ — студент или учащийся православного вероисповедания; руководящий орган — общее собрание; исполнительный орган — правление с председателем; существование на пожертвования по подписным листам; проведение ежегодных съездов-отчетов. Главной силой движения стала гимназическая молодежь, подростки объединялись в дружины «Витязей» и в девичье «Дружество» (см.: [Фейгмане, 2000, 222–223]).

Для понимания национального вопроса в Латвии в те годы обратимся к переписи населения, а их было четыре. Рассмотрим соотношение в динамике. Общее количество латвийского населения составляло:

- 1920 г.: 1 млн 596 тыс. — великороссов же (далее — рус.) 125 тыс. (= 7,82%);
- 1925 г.: 1 млн 845 тыс. — рус. 194 тыс. (= 10,50%);
- 1930 г.: 1 млн 900 тыс. — рус. 202 тыс. (= 10,62%);
- 1935 г.: 1 млн 951 тыс. — рус. 202 тыс. (= 10,59%).

Собственно, русские составляли самое многочисленное меньшинство. Это были коренные русские, которые возвращались из Советской России после Первой мировой войны как беженцы, а также незначительное количество прибывающих эмигрантов. Важное замечание: великороссы проживали на всей территории Латвии в основном в сельской местности, в меньшей степени в городах. Например, по данным на 1935 г., в Риге проживали от 100% населения: 63,4% латышей, 10% немцев, 11,3% евреев, 7,36% великороссов, 1,22% белорусов, 4,10% поляков и 1,44% др. национальностей [Skujenieks, 1930, 139]. Если в начале создания Латвийской Республики провозглашалась толерантность в национальном вопросе, то постепенно стал превалировать национализм — после государственного переворота 1934 г.

Следует отметить, что яркими деятелями Единения в Риге были свящ. Михаил Бурнашев, приват-доцент В. В. Преображенский и студент Н. П. Литвин. Охарактеризуем их кратко. Отец Михаил был руководителем Богословского кружка для взрослых

---

¹ Архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер) был канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 г. в списке новомучеников и исповедников Российских. Был причислен к лику святых Сербской Православной Церкви. 17 июля 2001 г. решением Св. Синода РПЦ был прославлен к общецерковному почитанию в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской. 24 сентября 2001 г. на Соборе ЛПЦ владыка Иоанн был причислен к лику святых как сщмч. Иоанн Рижский (*svētmoceklis Rīgas Jānis*). День памяти 12 октября. В 2006 г. были учреждены орден и медаль священномученика Иоанна Рижского.

имени Креста Господня. Молодежь его отличала как «бескорыстного труженика и доброго сеятеля на ниве Христовой». Родился Михаил Бурнашев в дворянской семье в Курской губ., окончил Училище правоведения (1904) и сдал экзамены на звание ученого-археолога в Петроградском археологическом институте (1914). Служил в Министерстве юстиции, позже предводителем дворянства в Борисовском уезде Минской губернии. Специалист по истории и культуре России, член дирекции «Старинного театра». Затем, в 1918 г., эмигрировал с сестрой в Латвию, преподавал в гимназиях Либавы (совр. Лиепая) русский язык и историю. В 1925 г. архиепископ Рижский Иоанн (Поммер) рукоположил Михаила Николаевича к храму Рижского Свято-Троицкого Сергиева женского монастыря. Отец Михаил принимал активное участие в религиозных беседах среди верующих и участвовал в собраниях латышского студенческого кружка. Он известен своими публикациями как писатель и журналист; в русском журнале «Перезвоны» (Рига, 1925–1929) вел рубрику «Детский уголок», которая стала при нем увлекательной, а также публиковался в «Юном читателе». Редактировал издания для юношества ко «Дням русской культуры»: журналы «Слово» и «Русь». Автор многих статей. Умер священник в 1928 г. и погребен на монастырском участке Покровского кладбища в Риге (ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 2. Д. 128); [Вера и жизнь, 1928, 31].

Историческим кружком имени В. В. Болотова руководил приват-доцент Василий Васильевич Преображенский (1897–1941). Созданный им кружок посещали гимназисты и ученицы Ломоносовской гимназии из девичьей дружины. Родился Василий Преображенский в Риге в семье прот. Василия Преображенского. Окончил Рижскую Александровскую гимназию с золотой медалью. Далее — учеба в Юрьевском университете на историко-филологическом факультете до 1918 г., затем в Латвийской высшей школе, также на одноименном факультете, до 1924 г. Спустя два года Василий Васильевич получил разрешение на поездку в Чехословакию для получения магистерской степени по всеобщей истории на историко-филологическом факультете Пражского университета. Собственно, одаренного и целеустремленного педагога отличала не только постоянная учеба, но и стремление к совершенствованию. Об этом свидетельствовал его послужной список. Он преподавал в известных Рижских гимназиях: Олимпиады Николаевны Лишиной (1873–1961), Людмилы Ивановны Тайловой (1851–1938), Натальи Семеновны Винзарайс-Вершканской (1877–1950), а также в Правительственной. Читал Василий Васильевич курсы истории, психологии и латыни. Несмотря на слабое здоровье, он принимал деятельное участие в РПСЕ, выступал с докладами, вел кружки, готовил публикации для русской газеты «Сегодня». С приходом советской власти в 1941 г. его депортировали, умер В. В. Преображенский в лагере в Соликамске (ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 1. Д. 16762. Л. 1–3, 15, 55; ЛГА. Ф. 1987. Д. 13703).

Бессменным руководителем Студенческого кружка был Николай Петрович Литвин (1905–1989). Родился он в Риге, после окончания школы с 1924 г. выполнял послушание иподиакона в рижском кафедральном соборе Рождества Христова. Долгие годы он был председателем Единения (1928–1930, 1932–1934). С 1944 г. Н. П. Литвин служил псаломщиком в Свято-Духовской церкви в Икшките (ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 2. Д. 246). К активным членам Единения принадлежали также братья А. В. и Д. В. Буковские, Б. В. Плюханов, Н. П. Истомина, М. Ф. Семенова, М. Я. Миезис, Д. В. Маслов, И. Н. Трубецкой, Т. Д. Эренштейн и мн. др. (см.: [Фейгмане, 2000, 222]).

Работа Единения заключалась не только в религиозной кружковой деятельности (13 кружков), но и в проведении общих ежегодных шести съездов. Во время работы первого зимнего съезда архиепископ Рижский и Латвийский Иоанн (Поммер) принял первое почетное звание члена Единения. Остались памятными его слова-напутствие: «Молодежь Движения, посвящающая себя проповеди веры и церковному служению, является соратником епископов и священников и делает то же Христово дело, хотя и в другом чине» [Плюханов, 1993, 90–91]. Владыка Иоанн понимал важность деятельности Единения, он приветствовал участников I летнего съезда в Рижской Спасо-Преображенской пустыни. Архипастырь видел пробуждение русского общества к церковной жизни и стремление молодежи «обрести источники

живой воды и подлинного благочестия, от которой берут свое истинное начало культурная работа, научное и художественное творчество, здоровая общественная жизнь» [Плюханов, 1993, 68].

Постепенно движение распространялось по Латвии. Провинциальные отделы располагались и в Латгалии: Двинске (совр. Даугавпилс), Лудзе, Режице (совр. Резекне) и деревне Боровки. Съезды Единения проходили регулярно. Так, в зимнее время проходила интенсивная учеба, например в 1928 г. — в Рижском монастыре; в 1930 г. — в помещении Единения, которое размещалось в приходском доме по ул. Тургеневская, 21а, кв. 8, в Риге, а по соседству совершались службы в Благовещенской церкви; в 1931 г. — в Рижской Правительственной гимназии, а службы проходили в Скорбященской церкви. Важно отметить, что рижские слушатели жили дома, а приезжие в общежитии. А летние съезды совмещались с паломничеством: в 1928 г. в Рижскую пустынь — 40 чел.; в 1929 г. в Псково-Печерский монастырь — 250 чел.; в 1930 г. в Пюхтицкий монастырь — 270 чел.; в 1931 г. в имение Лоберж в Латгалии — более 200 чел.; в 1932 г. в Пюхтицкий монастырь — 160 чел.; в 1934 г. в пригород Тарту — 74 чел. (см.: [Фелдман, 1997, 111–114]).

Тем временем Европу захлестнул глубокий экономический кризис. События эти ярко описаны в печати и литературе, а также в работах известных публицистов тех лет. Обратимся к церковной статистике, в качестве примера — сведения о государственных дотациях ЛПЦ. В 1932 г. они были сокращены на 25% (с 22 050 латов в 1931 г. до 17 640 латов в 1932 г.). Государство проводило оптимизацию финансового бремени, субсидии Церкви заметно сокращались. В 1934–1936 гг. государственная помощь составила около 10 000 латов в год. Протоколы заседания Синода ЛПЦ от 17 августа 1933 г. свидетельствовали о том, что в текущем бюджетном году из-за нехватки средств было сокращено жалование архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). Также сокращалось выделение средств для учащихся Рижской духовной семинарии (ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 72. Л. 139; Д. 73. Л. 98; Д. 74. Л. 127).

Коснулись ли Единения финансовые проблемы? Безусловно, т.к. денежные поступления с 1929 г. шли за счет частных пожертвований, 40 молодых людей обходили с подписными листами ежегодно священников, прихожан и интеллигенцию. Архиепископ Иоанн благословил сборщиков и покровительствовал им, даже проводились тарелочные сборы в латвийских церквях. Известен факт, когда Рижская городская управа в 1934 г. выделила Единению для работы с детьми 700 лат, видимо, это была разовая помощь (см.: [Фелдман, 1997, 124]).

В мае 1934 г. произошел государственный переворот премьер-министра К. Улманиса (1877–1942). Вследствие этого был распущен парламент и все политические партии, приостановлено действие Конституции и закрыты многие печатные издания. А 12 октября произошло убийство архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). 8 ноября 1934 г. РПСЕ было ликвидировано, члены Единения, кто находился в здании организации, были арестованы по обвинению в стремлении «восстановить единую, святую, великую Россию». После ареста в одной из комнат на столе осталась записка, написанная Борисом Владимировичем Плюхановым: «Жизнь кончилась, и начинается житие». Бессмертная фраза лесковских «Соборян» стала для многих пророческой. Более месяца они находились в здании Политического управления Риги. Власти обвиняли организацию как «филиал» эмигрантской шовинистической организации, которая якобы готовила предателей Латвии для будущей России. Ее члены якобы вредили интересам Латвии, а также обвинялись по делу убийства владыки Иоанна. Доказательств так и не было предъявлено, тем не менее организацию закрыли. После ликвидации ее члены продолжали религиозно-педагогическую работу, но только на отдельных приходах в воскресных школах ЛПЦ (Вестник, 1931, 5; Вестник, 1934, 5–11).

Единение работало в течение шести лет (1928–1934) и добилось значительных результатов в деле христианского просвещения, социального служения и катехизации, среди них:

- создание и постоянная работа в 13 религиозных кружках;
- проведение шести общих съездов зимой и летом;
- организация постоянной библиотеки и двух передвижных;
- распространение религиозно-педагогической литературы;
- организация воскресных школ в четырех рижских предместьях;
- работа с детьми зимой и летом, обустройство лагерей;
- открытие детского сада для малоимущих;
- клубная работа в воскресенье для молодежи;
- объединение девичьих кружков в «Девичье Дружество» для активного участия в «Днях русской культуры» в Риге;
- открытие православного Дружества Учащейся Молодежи («Гимназическое Дружество»);
- издание монографии В. В. Преображенского;
- лекции гостей: Н. А. Бердяева, В. П. Вышеславцева, С. Л. Франка, В. В. Зеньковского, Л. А. Зандера, иеромон. Иоанна (Шаховского), мон. Марии (Скобцовой), диак. Льва Липеровского, И. А. Ильина и мн. др.

Одним словом, главной работой многочисленных участников и гостей Единения было свидетельство о Христе и опыт жизни, пронизанной Божественным присутствием. Как вспоминала участница Единения Екатерина Рогозина из Режицы, «мне Движение дало очень много. Оно приблизило меня к православию, под влиянием Движения я заинтересовалась вопросами духовного порядка — богословием, вопросами самосовершенствования, самопожертвования... Всю свою дальнейшую жизнь и до старости я сохранила добрую и благодарную память о Движении и профессорах... с которыми была в переписке... Все они призывали нас, молодежь, к деланию добра, к духовному просвещению, к воцерковлению жизни, к жизни во Христе» [Плюханов, 1993, 128, 133].

Что касается государственно-церковных отношений в Латвии, то они складывались относительно сбалансированно в период управления Рижской кафедрой архиеп. Иоанном (Поммером). Но с изменением политической повестки произошли изменения и в этих отношениях, т.к. активность православных, в особенности русской их части, стала слишком явной. Поэтому латвийские власти усилили наблюдение особенно за русскими эмигрантами. В этой связи на особом контроле спецслужб стояла тема РОВСа, т.к. в Латвии проживало значительное количество офицеров, которые принимали участие в Гражданской войне (1918–1922) на стороне белых. Это отражено в агентурных донесениях Политического управления. Например, агент «Янис» утверждал в своем донесении, что союз Врангель-Кутепов-Миллер «имел наступательную силу во всех местах, где рассеяна русская эмиграция, и его, это движение, называют „фашизмом в фашизме“». В качестве подтверждения прилагалась статья из газеты «Возрождение» («Генеральная линия» младороссов) с отрывками из доклада лидера движения младороссов, педагога, впоследствии церковного журналиста Александра Львовича Казем-Бека (1902–1977). Поднимаемые белоэмигрантом вопросы касались «нынешнего отношения младороссов к Обще-Воинскому Союзу и к вопросу о непредрешении („политический мораторий“»). Выдвигались основные тезисы: объединение всех русских в эмиграции, принятие политической программы, разработка нового русского монархического учения Национальной Революции и ликвидация коммунизма (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 3. Д. 172. Л. 7–7а).

На этом фоне усиливалось наблюдение за неблагонадежными гражданами и русскими эмигрантами в Латвии. В качестве примера: в одном из донесений даже подверглась пристальному вниманию программа концерта Русского общества «Баян», хотя в репертуаре были произведения не только русских классиков, но и латышских (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 3. Д. 172. Л. 62–63). Слежке подвергались и те, кто принадлежал к русским организациям, которые легально существовали в Латвии. Безусловно, в поле зрения властей находились и те, кто был связан с Единением, среди них:

учитель Антонина Емельяновна Ершова (?–1943), принадлежала к организации «Общество русских эмигрантов Латвии»; врач и журналист Анатолий Козьмич Перов (1907–1977) входил в организацию «Братство Русской правды» и др. (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 3. Д. 172. Л. 62–63).

Лимитрофные государства Прибалтики находились под особым контролем различных европейских спецслужб и не только, поэтому положение для русских и православия было крайне сложным. К тому же давление властей в вопросе о переходе ЛПЦ под омофор Константинополя не прекращалось, нападки на архиерея шли со всех сторон. А кульминацией этого давления стало убийство правящего предстоятеля, которое оказалось невосполнимой утратой не только для Церкви и Единения, но и для всей Латвии. В «Вестнике РСХД» сообщалось: «Октябрь 1934 г. в памяти нашего поколения навсегда останется месяцем ужаса и глубокой скорби» (Вестник, 1934, 1).

По воспоминаниям участников движения, владыка Иоанн помогал решать многие вопросы и нужды, в том числе разрешал пользоваться его внушительной богословской библиотекой, он был ревностным архипастырем. Трагическая смерть архиерея стала своеобразным триггером для ликвидации движения русских в Прибалтике. В качестве рабочей гипотезы напрашивается мысль: не могли ли убийство на архиерейской даче у Кишозера архиепископа Рижского Иоанна (Поммера) 12 октября и ликвидация Единения 8 ноября 1934 г. быть единым замыслом в сложной политической комбинации? Ведь над раскрытием резонансного дела работали лучшие следователи, но оно зашло в тупик — или его завели. Как говорили древние, *cui bono, cui prodest?*

В декабре 1934 г. в латышской газете *Jaunākās Ziņas* вышло примечательное сообщение «Закрытие вредной организации „восстановление святой Руси“»: «В свое время в Риге было основано общество Русское Православное Студенческое Единение. Хотя устав этой организации совсем невинен, она вопреки уставу занималась политикой в духе национального шовинизма и русификации, проповедовала идею восстановления „единой святой, великой России“. Само собой понятно, что в Р. П. С. Единении объединялись главным образом только в таком духе настроенные люди. Выяснено, что это общество — тайное отделение парижской эмигрантской организации „Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом“. У парижской центральной организации военная окраска. Цель организации — восстановить „великую единую святую Россию“. Она руководила также в Риге нелегальными собраниями русских людей балтийских государств. Теперь вице-министр внутренних дел А. Берзинь закрыл Р. П. С. Единение и назначил для этого ликвидационную комиссию» (*Jaunākās*, 1934).

Собственно, комментарии здесь излишни. А в качестве иллюстрации к происходящему — одно из донесений министру МВД. Чиновник сетовал на то, что в русской организации есть люди с латышскими фамилиями, как, например, Мильда Миезис, Николай Карклин, Л. Эглон, Янис Янсонс, Карлис Зайц и др. По его утверждению, «все эти носители чисто латышских фамилий уже денационализировались и обрусели настолько, что для них вступление в филиал „Русского Студенческого Христианского движения за рубежом“ и даже в правление его нипочем. Они уже не только сами себя мыслят в Латвии „за рубежом“, но это преступное сознание они готовы прививать и другим своим согражданам. Среди рядовых членов филиала наряду с чисто латышскими фамилиями Рейзнекс, Берзинь, Бирзинь и пр. встречаются фамилии немецкие — Беервальд, Рейнгольд, Гартман, польские Слимскевич, Буковский и еврейские — Эренштейн» (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5629. Л. 2).

Следственная работа с активистами РПСЕ строилась на обвинении в убийстве предстоятеля Церкви, но когда эта линия развалилась (следователи считали ее также несерьезной), то вопросы ушли в политическую плоскость, тому подтверждением допросы в декабре Николая Петровича Литвина (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5629. Л. 19–23 об.). Далее — допросы в январе сестер Миезис, Мильды Яновны (1883–?) и младшей Ольги Яновны (1894–?) (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5629. Л. 49–50 об. Л. 51–52). Религиозные вопросы следователей мало интересовали, а касались они жизни эмигрантской

общины: кто ездил в Париж, от кого получали финансирование, кто из русских эмигрантов выступал и читал доклады в Латвии и т.д. В деле сохранился запрос МВД на получение экземпляра газеты «Православная Русь». В номере за 1935 г. была опубликована небольшая заметка «Разные вести» о закрытии организации. В ней извне дана оценка ликвидации: «В Латвии правительство закрыло организацию „РСХД“ под предлогом, что она является политическим сообществом, будто бы имеющим целью восстановление „Единой Святой Руси“. „РСХД“ никакой политической деятельностью не занималось, и потому его закрытие оказалось для всех полным сюрпризом, подготовленным, очевидно, теми, кому мешала борьба этой организации с безбожной пропагандой. Будем надеяться, что это правительственное распоряжение о закрытии полезной для государства организации в самом скором времени отменится» (ЛГИА. Ф. 3724. Оп. 1. Д. 7922. Л. 6).

Если рассматривать прикладной характер накопленного опыта Единения, то он особенно ярко проявился в годы Второй мировой войны на оккупированной территории. Единенцы явили лучшие христианские качества милосердия и сострадания, будь то помощь евреям и военнопленным или беженцам и сиротам. Например, в декабре 1943 г. в Аллажской волости (совр. Сигулдский край) в Доме Единения нашли приют 300 русских беженцев, где для них совершались специально православные богослужения [Русский Вестник, 1943]. Следует упомянуть клириков и мирян из числа Единения, которые проявили себя в Псковской Православной миссии [Обозный, 2008, 198].

Перечислим имена некоторых участников Единения в Риге, с которыми автор познакомился в ходе исследования: семья Бенуа, мать — Ольга Федоровна, ее дочери — Ольга и Лидия [Евфросиния Седова, 2019, 2020; Sedova, 2021], сестры Александра и Вера Мункевич, Мария Бовтович, сестры Мильда и Ольга Миезис, Лидия Зепп, Вера Лопатина, сестры Комита (в замуж. Портнова) и Антонина Ершова, Лидия Баринаова. Бывшая рижская гимназистка Валентина Сидиропуло вместе с матерью Ириной Яновной (урожд. Блуке) спасали военнопленных и были арестованы в ноябре 1942 г. и отправлены в Саласпилский концентрационный лагерь, затем в лагерь Грюнберг-Равенсбрюк. Валентина выжила, матушка ее погибла в 1944 г. Нацисты так и не узнали, что семья Сидиропуло скрывала в квартире еврейскую девушку [Рижская городская, 1999, 138, 141]. Матвея Нитавского арестовало гестапо в 1942 г. за помощь военнопленным красноармейцам, а в 1944 г. уже арестовали сотрудники СМЕРШа (No NKVD, 1999, 536). Некоторые из единенцев были репрессированы уже советской властью. Погибли в ГУЛАГе: Алексей Исаевич, Всеволод Елистратов, Матвей Нитавский, Георгий Ильинский и др. [Плюханов, 1993, 296, 298–299].

Среди единенцев были те, кого нацисты казнили за помощь советским военнопленным и укрывательство их. Это Антонина Ершова, супруги Константин и Комита Портновы, Вера Мункевич. Погибла во время допросов в Рижской центральной тюрьме Лидия Баринаова. Все эти благородные люди отдали свою жизнь за помощь ближнему. Их жертвенное служение и сегодня поражает своим христианским мужеством.

Но кто они, участницы Единения? Обратимся к материалам биографии одной из них — Лидии Афанасьевны Баринаовой (1912–1942). Она родилась незадолго до Первой мировой войны в Риге, рядом с Кузнецовской фарфоровой фабрикой. Родители принадлежали к потомственным рабочим Кузнецовки: мать работала в живописном цехе, а отец выполнял обязанности по доставке продукции в центральную часть губерний России. Семья Афанасия Ивановича и Анастасии Яковлевны (урожд. Барабановой) была многодетной, в ней воспитывалось семь детей. С началом Первой мировой войны предприятие с персоналом эвакуировалось в Дулёво, а последующие революционные события застали Бариновых в Советской России. Они не приняли власть большевиков, к тому времени глава семейства и сыновья умерли на чужбине. Вернулись в Латвию только мать с тремя дочерьми: Анфисой, Лидией и Ниной. Вдове пришлось одной поднимать детей, и ее верной помощницей стала средняя дочь Лидия (см.: (Воспоминания Р. М. Башкиной)).

Большинство кузнецовских рабочих из эвакуации также вернулось в Латвию. Будучи подростком, Лидия поступила в 1926 г. в школу по ул. Московской, 140 (совр. адрес: ул. Маскавас, 166). Это была 7-я Русская основная школа (совр. Рижская 3-я музыкальная школа). Вначале она была двухлетняя, а спустя некоторое время стала шестилетняя. Предместье отличалось компактным проживанием русского населения, детей было много. Пока для школы не подыскали здание, занятия проходили в вечернюю смену. Позже учебное заведение размещалось уже в известном на Московском форштадте Русском доме трудолюбия, устроенном еще в XIX в. купцом и депутатом Рижской думы Николаем Дмитриевичем Меркульевым (1851–1925) по благословиению прот. Иоанна Сергиева (1829–1908) из Кронштадта². По семейным воспоминаниям, Лидия училась в вечернюю смену. Сохранилась фотография от 29 мая 1929 г., где Лидия запечатлена среди 14 выпускников. На обороте фотографии записаны некоторые фамилии: А. Алимов, Т. Авсеев, Н. Чернчев, Громов, Войченков, А. Агурбяпова, В. Машогшина, А. Милашевич (Фотоархив).

Русская газета «Сегодня» к 10-летию 7-й русской основной школы сообщала, что если в 1921 г. в школе было только 3 класса и 90 учеников, то в 1931 г. — 11 классов и 400 учащихся, преподавательский состав насчитывал 16 учителей. Школа стала самой большой русской основной школой в Риге, а также отличалась своей активностью, т. к. одна из первых ввела помощь ученикам. Нуждающиеся получали не только школьные пособия, но и материальную поддержку в виде одежды и обуви. А у истоков создания 7-й основной школы стоял народный учитель Козьма Иванович Перов (1888–1936), известный апологет просвещения в Прибалтике до Первой мировой войны. Он был не только педагогом, администратором, общественным деятелем, но и глубоко верующим человеком. Долгое время он входил в приходской совет Ивановской церкви на Московском форштадте. Сформированное им учебное заведение славилось преподавательским составом. Одним из учителей русского языка и литературы был Александр Григорьевич Каверзнев (1881–1949), сын военного священника 157-го Имеретинского полка. До революции Александр окончил СПбДА, но не пошел по духовной линии. Позже он продолжил учебу в С.-Петербургском и Юрьевском университетах. Его супруга Вера Михайловна (урожд. Голубева, 1902–1988) была также учителем словесности и тесно поддерживала связь с Единением. По некоторым сведениям, за помощь советским военнопленным Александр Григорьевич Каверзнев был арестован и направлен в Саласпилский концлагерь, где находился до 1942 г. Однако документального подтверждения этой информации нет. Семья Бариновых была хорошо знакома с семьей Каверзневых (см.: (Воспоминания Т. О. Амосовой)).

По воспоминаниям близких, Лидия, будучи подростком, училась и на курсах белошвейек. Как уже было сказано, многие родственники семьи Бариновых работали на фарфоровой фабрике Кузнецовых. Не стала исключением и Лидия, какое-то время она работала на Кузнецовке, но недолго, затем по рекомендации перешла на фабрику резиновых изделий «Квадрат» как декоратор. Почему она сменила работу? Возможно, новая работа была более творческой (см.: (Воспоминания Р. М. Башкиной)).

Надо отметить, что девушку отличала глубокая вера, особая тяга к знаниям и самообразованию. Ее способности отметила преподаватель Надежда Степановна Треймане, которая вела уроки рукоделия (и всего, что связано было с модой тех лет). Лидия была талантливым и трудолюбивым человеком, она шила и вышивала, что давало дополнительные средства в семейный бюджет. По рекомендации учительницы она подрабатывала в престижном ателье «Джентльмен», которое находилось в Старой Риге. Девушка выполняла заказы по ночам, чтобы воплотить свою заветную мечту, купить немецкую швейную машинку Pfaff (см.: (Воспоминания Р. М. Башкиной)).

² Протоиерей Иоанн Сергиев из Кронштадта был канонизирован в лике праведных Русской Православной Церковью Заграницей 19 октября 1964 г. Позже, 8 июня 1990 г., в Русской Православной Церкви прославлен как святой праведный Иоанн Кронштадтский. День памяти 14 июня и 2 января.

Родственники характеризовали ее как очень целеустремленную личность, которая обладала притягательной силой, и все, кто ее знал, всячески ей помогали. Лидия влилась в движение молодежи РПСЕ. Она посещала кружок в честь Покрова Божией Матери, который вела Мильда (в крещении Ольга) Яновна Миезис. Примечательна личность и самой М. Я. Миезис. Известно, что в 1916 г. она, коренная рижанка, окончила в Петрограде Высшие женские педагогические курсы, была опытным педагогом. Как и многие старшие единенцы, М. Я. Миезис имела основное место работы. Она трудилась в Министерстве землеустройства на станции по контролю за семенами как старший аналитик (ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5629. Л. 49–50 об.). А в свободное время бескорыстно занималась религиозно-просветительской работой в движении.

Итак, главной темой занятий кружка под руководством Мильды Яновны стало изучение женских типов по житиям святых, а также произведениям литературы. Важно отметить, что Единение объединяло не только студентов и гимназистов, но и рабочую молодежь Риги. Многие работали на Кузнецовской фарфоровой фабрике, кто-то на других предприятиях города. Лидия пользовалась уважением и любовью единенцев. В архиве семьи сохранилось почтовое поздравление от Ольги (Мильды) Яновны Миезис. Открытка была направлена по адресу: ул. Тургеневская, 21 а, кв. 8, где в помещении Единения проходили занятия в кружках и встречи. Наставница с теплотой написала имениннице: «Сердечно поздравляю с днем Ангела, желаю счастья и всяческого благополучия. О. Миезис» (Фотоархив).

В межвоенный период православная молодежь принимала активное участие не только в движении РПСЕ, но и в жизни русской общины. В течение года готовились к ежегодным «Дням русской культуры» в Латвии. Их ждали с нетерпением, т.к. устраивались публичные выступления известных лекторов из Европы, вечера и концерты. Широко отмечался Татьянин день и, конечно, проходил Татьянин бал. Единенцы были погружены в интересы русской общины Латвии, они жили национальной идеей.

Важно отметить, что фабричная молодежь посещала различные просветительские и духовные кружки еще и потому, что не все православные юноши и девушки из-за ограниченности средств могли учиться в средней и высшей школе. Конечно, большая часть из них работала, но плата за обучение была высокой. Лидия закончила только основную школу, и Единение ей давало возможность расширить кругозор и дальше расти как личности. Она хорошо понимала, что образование дает возможности для карьерного роста, поэтому усердно работала, чтобы младшая сестра Нина смогла поступить в Рижскую Правительственную гимназию и окончить ее. Таковы были реалии жизни в довоенной Латвии.

Лидия, как и любой подросток, ждала наступления лета, когда выкраивалось свободное время для отдыха. Девушка даже смогла купить велосипед, что позволило ей с подругами ездить на Рижское взморье, т.к. плата за проезд на поезде для семьи была обременительной. Как уже упоминалось, ежегодно участники Единения выезжали в паломничество, на сборы и съезды, которые проводились в разных известных монастырях. Например, в 1930 г. 26 июля состоялся летний съезд Единения в Пюхтице, Лидия была в числе его участников. Сохранилась фотография за подписью ее близкой подруги Тамары: рижские делегаты сделали снимок на фоне монастырской башни. Следующий съезд прошел 26 июля 1931 г. в Латгалии, в старинном поместье Воцининых — Лоберж. Некогда этот русский уголок принадлежал братьям Жемчужниковым, в соавторстве подарившим миру Козьму Пруткову. В архиве семьи сохранился фотоснимок Лидии среди молодежи. По воспоминаниям участницы этого съезда Н. К. Фелдман-Кравчёнок, службы совершались в Скорбященской церкви Кульнево, где хранился прах героя Отечественной войны 1812 г. генерала Якова Кульнева (1763–1812). Небольшая церковь с трудом вмещала прибывших богомольцев, служили сельские батюшки из близлежащих храмов (см.: [Плюханов, 1993, 127]).

Съезд в Лоберже отличался от предыдущего, т.к. молодые люди «самодеятельно» готовили семинары. Они были разнообразны по тематике: например, Аскетический

семинар готовил А. А. Косинский; Апологетический — Е. К. Берзинь; по сравнительному богословию — Д. В. Буковский; Социальный — Б. В. Плюханов, Религиозно-педагогический — А. И. Драгунова, Религиозно-литературный — М. И. Миезис, Религиозно-философский — В. К. Торно. Делегаты из Эстонии выступили также с познавательными семинарами. Безусловно, все ждали выступления западноевропейских гостей — проф. прот. Г. В. Флоровского, Л. А. Зандера, диак. Льва Липеровского, Б. И. Сове, А. И. Никитина. Звучали темы, которые волновали молодежь в предвоенное время: «Православие среди инославия», «О национализме», «Общественное служение христианина», «Оксфордское служение в Англии», «Идеалы педагогики», «Христианство и семья». Под большим впечатлением слушатели остались от встречи с русским художником Н. П. Богдановым-Бельским (1868–1945). Мастер руководил сводным церковным хором и давал мастер-классы по рисованию (см.: [Фелдман, 1997, 113–114]).

К концу 1934 г., когда Единение было ликвидировано, жизнь Лидии сосредоточилась на заботах о семье. До войны уклад семейства Бариновых мало чем отличался от жизни большинства русских Московского форштадта: все работали, а в воскресные и праздничные дни старались быть у обедни. Наступило лето 1941 г., немецкие войска вошли в Ригу, убитые красноармейцы лежали непогребенными вдоль реки Даугавы. После призыва священников Московского форштадта — настоятеля Ивановской церкви прот. Николая Шалфеева (1863–1941), настоятеля церкви Всех святых прот. Алексея Торопогрицкого (1877–1941) и старшего наставника Гребенщиковской старообрядческой общины Льва Сергеевича Мурникова (1882–1945), прихожане приняли участие в захоронении погибших воинов. На православной части Ивановского кладбища погребено 150 погибших, а на старообрядческой общинной — 800 (по другим данным — 600, т. к. трудно было тела опознать). Священниками было принято смелое решение отпеть воинов без разрешения немецкой комендатуры, т. е. на свой страх и риск. Погибших красноармейцев похоронили и поставили два памятных креста в 1942 г., деньги собирали всем миром (см.: (Воспоминания директора); [Емельянов, 2005, 11–12]).

Участвовала ли Лидия в этих событиях? С большой вероятностью можно утверждать, что да, т. к. она была прихожанкой Ивановского храма, а настоятель прот. Николай Шалфеев был ее духовником. Известно, что девушка с единомышленниками активно помогали узникам Рижского гетто (1941–1943), которое значилось вторым по величине после Варшавского. Гетто находилось на Московском форштадте, напротив Ивановской церкви и рядом с храмом Всех святых. Верующим удавалось даже скрывать обреченных в Ивановском храме и оказывать им помощь. Не помогали оккупационным властям и угрожающие предупреждения: «Лица, пересекшие забор и вступившие в контакт с жителями гетто, расстреливаются на месте» (Музей).

Первый раз полиция задержала Лидию осенью 1941 г. за передачу продуктов военнопленным и евреям в гетто, но прот. Николай Шалфеев ее вызволил из комендатуры. Полицейский контроль усиливался, настоятели двух храмов скончались после допросов в гестапо в декабре 1941 г. На Страстной неделе, 3 апреля 1942 г., в Риге прошла массовая облава, были задержаны более 150 человек. Лидию арестовали за помощь советским военнопленным и направили в Рижскую центральную тюрьму, где она и содержалась. По воспоминаниям союзниц, 26 апреля ее «в очередной раз без сознания бросили в камеру, заключенные с ужасом увидели, что у нее изо рта хлещет кровь с клочками растерзанных легких: ее затоптали коваными сапогами...» [Дзинтарс, 1986, 70]. Через несколько часов после допросов Лидия умерла, по свидетельству сокамерницы, не назвав своих единомышленников. Под страшными пытками с Лидией Бариновой погибли Мария Маруфленко, Анна Кононова и Владимир Стразд (см.: [Дзинтарс, 1986, 85]). О невероятной жестокости в Рижской центральной тюрьме в годы оккупации оставил воспоминания адвокат Кирилл Георгиевич Мункевич (1879–1950), семья которого был арестована

за помощь советским военнопленным. Его дочь Вера Мункевич – участница Единения, как указывалось выше, была с единомышленниками казнена нацистами (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 17. Л. 244–248); [Заложник, 1998, 5].

Сохранилась фотография Лидии на семейном торжестве, когда племянник Борис Акимович Баринов сочетался браком с Татьяной Михайловной Сметанкиной (женитьба давала отсрочку от службы в вермахте). Снимок сделан незадолго до ареста Лидии в 1942 г. Родные ничего не знали об антифашистской деятельности девушки, в семье она ничего не рассказывала: не хотела подвергать опасности близких. Похоронили Лидию на тюремном участке городского кладбища Matīsa у стены Рижской центральной тюрьмы (Фотоархив; Воспоминания Р. М. Башкиной). Родственники узнали о трагической кончине Лидии от сокамерницы, которая посетила Анастасию Яковлевну Баринову и рассказала подробности. По воспоминаниям родных, дата гибели Лидии Бариновой указывалась как 1943 г. После дополнительных исследований установлен 1942 г., что подтверждает книга о Рижском подполье в период нацистской оккупации (1941–1944), в которой упоминалась Лидия Баринова как антифашист (см.: [Дзинтарс, 1986, 70]).

Анализируя вышеизложенный опыт Единения в межвоенный период в Риге XX столетия, отметим, что тема государственно-церковных отношений остается актуальной, особенно в контексте работы с молодежью, формирования у нее ценностных основ. Следует признать, что деятельность РПСЕ стала историческим явлением как в церковной, так и в культурной жизни Прибалтики. Динамичному развитию и объединению русского меньшинства в Латвии способствовали:

- уникальный опыт религиозно-педагогической работы многочисленных кружков, соборов и съездов РПСЕ;
- содружество молодых людей через осмысление веры в Бога и свидетельство о Христе;
- выстраивание органичных отношений мирян с клиром ЛПЦ на принципах соборности;
- сохранение национальной идентичности и православия.

Таким образом, старшие участники Единения сохранили национальную русскую культуру, оставаясь религиозными людьми, продолжая верно служить Православной Церкви, являя пример младшим, передавая знание истории и культуры, проповедуя идеи общего дела. В результате движение смогло привлечь в свои ряды широкие круги подростков и молодежи через православную русскую идею. Именно экзистенциальные идеи и смыслы, т.е. философия существования, стала движущей силой Единения на фоне роста консьюмеризма и жажды потребления в Европе. Тому яркий пример – осознанный выбор единенцев и, в частности, Лидии Бариновой, простой фабричной девушки.

Список сокращений

- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ИВКА – Христианский союз молодых женщин (YWCA).
- ИМКА – Христианский союз молодых людей (YMCA).
- ЛГА – Латвийский Государственный архив (LNA LVA).
- ЛГИА – Латвийский Государственный исторический архив (LNA LVVA).
- ЛПЦ – Латвийская Православная Церковь.
- РГСО – Рижская Гребенщиковская Старообрядческая Община.
- РОВС – Русский Обще-Воинский Союз.
- РПСЕ – Русское православное студенческое единение.
- РСХД – Русское студенческое христианское движение.

Источники и литература

Источники

1. Вера и жизнь. 1928. № 2. С. 31.
2. Вестник РСХД. 1928. № 1. С. 29; 1931. № 10. С. 5; 1934. № 10. С. 1. № 11–12. С. 5–11.
3. Воспоминания директора — Воспоминания директора музея РГСО А. И. Иванова. Январь 2022 г., Рига.
4. Воспоминания Р. М. Башкиной — Воспоминания Р. М. Башкиной. Январь 2021 г., Рига.
5. Воспоминания Т. О. Амосовой — Воспоминания Т. О. Амосовой. Декабрь 2020 г., Рига.
6. ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 17. Л. 244–248. [№ 5 Справка по делу № 18 о немецко-фашистских злодеяниях по истреблению мирных советских граждан в Рижской Центральной и Срочной тюрьмах, гестапо, префектуре и др. фашистских застенках г. Риги].
7. «Генеральная линия» младороссов — «Генеральная линия» младороссов. Возрождение. 1933. 2 VI.
8. ЛГА. Ф. 1987. Д. 13703. [Список депортированных. В. В. Преображенский.]
9. ЛГИА. Ф. 1632. Оп. 1. Д. 16762 [Послужной список преподавателя Василия Васильевича Преображенского].
10. ЛГИА. Ф. 2490. Оп. 1. Д. 44. Л. 228–230. [International Survey of the YMCA and the YWCA. (Разные документы 1922–1929 г.)]
11. ЛГИА. Ф. 3235. Оп. 2. Д. 5629. [Политическое управление Рижского района 1932–1934 гг. Справка № 452/32 г. об Обществе «Русское Православное Студенческое Единение»]; Оп. 3. Д. 172. [Агентурные донесения № 18/548/sl. О русской монархической деятельности в Латвии. 1933, 1934, 1935 гг.]
12. ЛГИА. Ф. 3724. Оп. 1. Д. 7922. [Iekšlietu ministrijas Preses un biedrību nodaļa. Akts Biedrības: “Krievu pareizticīgo studentu vienība” (МВД Отдел обществ и прессы. Акт о ликвидации общества «Русское Православное Студенческое Единение».)]
13. ЛГИА. Ф. 7469. Оп. 1. Д. 72. Л. 139; Д. 73. Л. 98; Д. 74. Л. 127; Оп. 2. Д. 128; Д. 246. [Клирики ЛПЦ].
14. Музей — Музей Рижского гетто и Холокоста в Латвии.
15. Разные вести — Разные вести. Закрытие организации Русского Студенческого Христианского Движения. Православная Русь (ранее «Православная Карпатская Русь»). 1935. № 4 (162). С. 4.
16. Русский Вестник. 1943. № 19 (85). 18.12. Рига.
17. Фотоархив — Фотоархив Р. М. Башкиной. Рига.
18. Jaunākās — Jaunākās Ziņas. 1934. 7. XII.
19. [Nitavskis Matvejs] No NKVD līdz KGB politiskās prāvas Latvijā 1940–1986. Noziegumos pret padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju radītājs // R. Viksnes un K. Kangera red. R.: 1999.

Литература

20. Гаврилин (2008) — *Гаврилин А. В.* Единение Русских православных студентов Латвии // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18.
21. Дзинтарс (1986) — *Дзинтарс Я.* Тайны Рижского подполья: борьба рабочих Риги в годы гитлеровской оккупации, 1941–1944. Рига, 1986.
22. Евфросиния Седова (2019) — *Евфросиния (Галина Седова), инокиня.* Ольга Федоровна Бенуа: материалы следственного дела (1944–1945 гг.) // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии: Научно-богословский журнал. Пенза, 2019. Вып. 2 (12).
23. Евфросиния Седова (2020) — *Евфросиния (Седова Г. В.), инокиня.* Homo empatio. Заведующая приютом советских детей в Дубулты (1943–1945 гг.) Ольга Елисеевна Бенуа // На пути к гражданскому обществу: Научный журнал. Иваново, 2020. № 2 (38). URL: <http://government.esrae.ru/pdf/2020/2%20/708.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

24. Емельянов (2005) — *Емельянов А.* Акт христианского долга и гражданского мужества // Поморский вестник. Рига, 2005. № 2 (17).
25. Заложник (1998) — Заложник гестапо. Из дневника Кирилла Мункевича, узника Рижской центральной тюрьмы 12.09.42–10.11.43 гг. [Литературная запись Леонида Коваля] // СМ. Рига, 1998. № 148. URL: <https://www.russkije.lv/ru/journalism/read/munkevich-vera-perlyuceva/> (дата обращения: 20.03.2023).
26. За рубежом (1973) — За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых): (1921–1972) // Под ред. Н. М. Зернова. Париж: УМКА-Press, 1973.
27. Обозный (2008) — *Обозный К. П.* История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. М., 2008.
28. Плюханов (1993) — *Плюханов Б. В.* РСХД в Латвии и Эстонии. Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. Париж, 1993.
29. Православие (2018) — Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е — 1930-е гг. // Отв. ред. И. П. Пярт. Тарту, 2018.
30. Рижская (1999) — Рижская городская русская гимназия (бывшая Ломоносовская) 1919–1935. Сборник воспоминаний и статей // Сост. М. В. Салтупе, Т. Д. Фейгмане. Рига, 1999.
31. Фелдман (1997) — *Фелдман-Кравченко Н. К.* Русское православное студенческое единение в Латвии // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 2. Рига, 1997.
32. Фейгмане (2000) — *Фейгмане Т. Д.* Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции. Рига, 2000.
33. Sedova (2021) — *Sedova G. (nun Euphrosyne).* Stalinist repressions in the Diocese of Riga in 1945: biographical information about the historical portrait of Olga Benois. Vēsture: Avoti un cilvēki. XXXI Zinātniskie lasījumi. Daugavpils, 2021.
34. Skujenieks (1930) — *Skujenieks M.* Latvieši svešumā un citas tautas Latvijā. Vēsturiski statistisks apcerējums par emigrāciju un imigrāciju Latvijā. Rīga, 1930.